

Вернувшись домой, Цзи Ююй увидел, что над грядками уже ровно стояли бамбуковые опоры для вьющихся растений, а двор был чисто выметен.

Гу Чаннин сосредоточенно раскраивал ткань ножницами.

Похоже, он заметил, что Цзи Ююй чем-то недоволен, и остановил руку. Во взгляде читался вопрос:

— Что... что случилось?

Цзи Ююй поджал губы:

— По дороге встретил бешеного пса.

Гу Чаннин сразу встревожился, бросил ножницы и, прихрамывая, подошёл к нему, оглядывая с ног до головы:

— Не... не...

— Ничего со мной не случилось. — Цзи Ююй покачал головой и протянул ему то, что нёс в руках. — Я тебе мартовской малины нарвал.

Одной рукой Гу Чаннин взял ягоды, другой помог снять заплечную корзину.

Вываливая бамбуковые побеги на землю, Цзи Ююй сказал:

— На горе их много. Пока солнце ещё высоко, схожу ещё раз.

Увидев капли пота на его лбу, Гу Чаннин спросил:

— Воды?

— Давай. — Цзи Ююй кивнул.

Напившись, он прихватил горсть уже вымытой Гу Чаннином мартовской малины и снова отправился в горы, по дороге поедая ягоды.

Примерно через полшичэня он спустился обратно с ещё одной доверху набитой корзиной.

Не дойдя до дома, Цзи Ююй снова встретил нежеланного гостя.

Он сделал вид, что никого не видит, и направился прямо к своим воротам.

— Юй-гэ-эр, — Чжан Дашань не отставал.

— Юй-гэ-эр. Я уже разобрался с тем, что было. Сестрица Лин виновата, я её отчитал. Я извиняюсь за неё. Она ещё маленькая, ничего не понимает, прости её.

Видя, что Цзи Ююй не желает разговаривать, Чжан Дашань встал впереди и преградил дорогу. Огромная фигура возвышалась словно гора.

— Няньнянь, не надо так, хорошо?

— Поговори со мной. Раньше ты был не таким. Ты мне нравишься, и я готов войти в вашу семью мужем-примаком, только моя мать...

— Закрой рот! — Цзи Ююй наконец не выдержал. Сам он не способен перечить Ли Гуйхуа, а перед ним изображает великую любовь? — Не зови меня так близко, мы с тобой не настолько хорошо знакомы.

— Я... — Чжан Дашань сглотнул. Спокойно. Цзи Ююй ведь к нему равнодушен. — Теперь твоего отца нет. Если дома будет тяжёлая или грязная работа — позови меня.

Цзи Ююю стало противно, и он зло бросил:

— Как же я жалею, что тогда полез помогать тебе. Знал бы — лучше дал бы змее тебя укусить до смерти. И не пришлось бы теперь пачкаться об эту мерзость.

— Исчезни с глаз.

Но Чжан Дашань не сдавался и жалобно пробормотал:

— Как такое возможно? Ты же явно тоже ко мне что-то чувствуешь. Иначе зачем тогда спас меня?

Цзи Ююй даже не знал, с чего начать ругаться. Прежний хозяин тела тоже хорош: помог по доброте — и связался с такой семейкой. Тогда он просто протянул руку помощи, а Ли Гуйхуа разнесла по всей деревне, будто Цзи Ююй влюблён в Чжан Дашаня. Вот уж не повезло.

То ли он слишком разозлился, то ли ещё что, но Цзи Ююй вдруг почувствовал тяжесть в груди,

стало трудно дышать. Раздражённо толкнул Чжан Дашаня заплечной корзиной.

Тот отшатнулся и освободил дорогу.

Цзи Ююй пошёл к воротам.

Не успел подойти, как дверь изнутри открылась. На пороге стоял Гу Чаннин. Даже в грубой одежде он оставался стройным и изящным, словно нефритовый бамбук.

Увидев, что лицо Цзи Ююя выглядит нехорошо, Гу Чаннин широким шагом подошёл и помог снять корзину.

— Так вот из-за этого ничтожества ты отвергаешь меня? — мрачно прозвучал за спиной голос Чжан Дашаня. — Няньнянь, этого человека твой отец просто купил. Ни тяжести поднять, ни вещи принести, нога хромая, рот немой. Пусть раньше он и был перспективным сюцаем, теперь он даже обычному человеку уступает — просто бесполезный калека.

— Какую хорошую жизнь он может тебе дать? Выгони его и выходи за меня! Я буду хорошо к тебе относиться!

Чжан Дашань думал, что говорит с большой страстью и чувством, но получил от Цзи Ююя палкой по голове.

— Бессовестных видел, но такого бесстыдства ещё не встречал!

— Здоровый мужик приходит к воротам женатого гэ-эра и несёт всякую чушь. Ты вообще думал о моей репутации?

Цзи Ююй холодно фыркнул:

— Хотя да, если бы ты умел думать о других, ты бы не был сыном Ли Гуйхуа. Вы же одна семья, одно гнездо бесстыдников!

— Я не... Няньнянь, ты меня неправильно понял. Я... я ничего не могу с собой поделать. Я слишком тебя люблю. Не хочу смотреть, как ты терпишь обиды и заставляешь себя жить с этим калекой... Ай! — остаток слов превратился в вопль.

Цзи Ююй размахивал палкой с такой силой, что она свистела в воздухе, а Чжан Дашань метался, прикрывая голову:

— Я же сказал тебе: не зови меня Няньнянь. Моё домашнее имя может произносить только

мой муж.

— Хорош Чаннин или плох — не тебе судить. Вон!

Увидев, что проходившие с гор люди остановились поглазеть, Цзи Ююй ещё и пригрозил:

— Впредь всей вашей семье лучше держаться от меня подальше. Ещё раз посмеете полезть — увижу раз, побью раз.

После этого он с грохотом захлопнул ворота.

Бах.

Палка выпала из руки.

Цзи Ююю стало ещё труднее дышать.

Что происходит?!

Он уже начал сползать на землю, но в следующий миг оказался в объятиях, от которых пахло прохладной свежестью.

Гу Чаннин сильно встревожился и не знал, что делать:

— Найти... лекаря?

— Дай отдышаться. — Неужели у этого тела какая-то скрытая болезнь? Мысли Цзи Ююя заматались, но в памяти он так ничего и не нашёл.

Гу Чаннин усадил его на стул, быстро налил воды и понемногу напоил Цзи Ююя, а другой рукой осторожно поглаживал по спине.

Через довольно долгое время дыхание наконец выровнялось, и Цзи Ююй снова чувствовал себя так, словно ничего не произошло.

Неужели просто слишком разозлился?

Гу Чаннин сидел на корточках рядом, и в его глазах всё ещё была тревога.

— У тебя нога болит, зачем сидишь на корточках?

— Я в порядке. Наверное, просто слишком сильно разозлился, вот и прихватило.

Цзи Ююй заметил, что бамбуковые побеги, принесённые раньше, уже очищены и замочены в тазу с водой:

— Ты уже всё почистил? Какой же наш Чаннин умница!

Гу Чаннин от похвалы смущённо почесал волосы.

— Тогда и эти поручаю тебе.

Цзи Ююй указал на свежепринесённые побеги:

— Я раньше накопал пастушьей сумки. Вечером сделаем пельмени с ней.

Гу Чаннин кивнул.

— Тогда работай как следует, а я пойду промоя пастушью сумку и приготовлю начинку. — Цзи Ююй направился на кухню.

У самого входа он увидел в плетёном сите уже начисто вымытую пастушью сумку.

На его лице сама собой появилась лёгкая улыбка. Ну что за «муж-улитка» — просто прелесть!

Цзи Ююй ошпарил пастушью сумку кипятком, остудил в холодной воде, отжал и мелко нарезал. Добавил мелко нарезанную копчёную свинину, немного кунжутного масла и соли, затем всё тщательно перемешал.

Потом зачерпнул пшеничной муки, замесил тесто и начал раскатывать кружочки.

Очень скоро мука в его руках превратилась сначала в маленькие кусочки теста, потом в круглые обёртки, а затем — в пухлые, набитые начинкой пельмени.

Вода в котле закипела — можно варить.

В миски он положил зелёный лук, соевый соус, соль и свиной жир. Когда пельмени всплыли, их можно было вынимать.

К этому времени Гу Чаннин быстро и аккуратно очистил оставшиеся побеги, подмёл двор и сложил шелуху в углу огорода для компоста.

— Чаннин, пора есть!

Услышав зов, Гу Чаннин вымыл руки, вытер их об одежду и только после этого пошёл на кухню.

Снова одна большая миска и один маленький тазик.

Пастушья сумка сама по себе пахла свежо, а с кусочками копчёной свинины начинка получилась особенно ароматной и вкусной. Оба наелись до круглых животов.

<http://bllate.org/book/25976/3141007>